

НАЦ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ БЕСТСЕЛЛЕР
БЕСТ

ВЛАДИМИР
БУШИН
РОССИЯ. СТАЛИН.
СТАЛИНГРАД
ВЕЛИКАЯ ПОБЕДА
И ВЕЛИКОЕ
ПОРАЖЕНИЕ

Владимир Сергеевич Бушин
Россия. Сталин. Сталинград.
Великая Победа и
великое поражение
Серия «Национальный бестселлер»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6371181

Россия. Сталин. Сталинград. Великая Победа и великое поражение:

Алгоритм; М.: 2011

ISBN 978-5-699-51058-0

Аннотация

Владимира Сергеевича Бушина называют лучшим полемистом современности, острейшим критиком и публицистом, последним рыцарем советской идеологии. Солдат Отечества в самом прямом значении – с 1942-го в составе 50-й армии прошел боевой путь от Калуги до Кенигсберга, – он беспощаден к фальсификаторам нашей истории, русофобам и антисоветчикам. Его новая книга публицистики – обличение внутренних врагов Отечества, клеветников, извращающих советское время, Великую Отечественную войну и образ вождей СССР, искажающих массовое сознание народа Великой Победы. Россия, Сталин, Сталинград, считает автор, – это триединство нашей

памяти, которое способно скрепить дух нашего народа, не дать ему исчезнуть в небытии.

Содержание

Маршал Рокоссовский и килька пряного посола	5
Минное поле клеветы	30
Не зная броду.	40
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Владимир Бушин Россия. Сталин. Сталинград. Великая Победа и великое поражение Маршал Рокоссовский и килька пряного посола

Минувшие июньские даты Великой Отечественной войны – годовщина ее начала и годовщина Парада Победы – разумеется, были использованы правительством и его СМИ для дальнейшего просвещения и патриотического воспитания нашего народа.

Так, телевидение предоставило нам прекрасную возможность познакомиться с Э. Л. Ровинским, участником Парада Победы. Вот его фотографии в молодости, вот он сам в старости, вот, как ни странно, его обильные награды. Очень приятно, ибо раньше приходилось слышать, что таких, как Ровинский, на фронте не награждали, а использовали только для забрасывания их трупами танковых колонн врага. Я

хотел бы пожать руку Эммануилу Львовичу, но оказывается, он давно за океаном, в Балтиморе. What a pity! Знать, в России-то уже участников Парада не осталось. Приходится импортировать. Может, еще в Израиле один-другой сыщется?.

А дату начала войны отменно изобразил в правительственной «Российской газете» любимец публики и власти Леонид Радзиховский, служивший в армии в одной роте с Эдвардом Радзинским и Марком Розовским. А командиром у них – Познер. Это рота быстрого реагирования.

Статья озаглавлена «Менеджер разгрома». Без таких чубайсовских словечек, как «менеджер», эта публика ни шагу. Здесь оно означает «организатор»: Сталин – организатор разгрома Красной Армии. Хлебом их не корми, а дай на телевидении или в правительственной газете проверещать что-то подобное.

Стало быть, в первые же дни войны Красная Армия была разгромлена. И обычным шрифтом, и крупным автор осатанело верещит: разгром!. РАЗГРОМ!. РАЗГРОМ!. «По крайней мере», говорит, когда речь идет о лете 41 года. А если не по крайней, а в целом, то что? Он не знает. Просветим: разгром фашистской Германии. Об этом все, а особенно пишущие о войне, должны помнить и в горькую годовщину ее начала.

Ну хорошо, дабы не огорчать нашего историка, согласимся, что летом 41-го Красная Армия была разгромлена в доску. «Ответ о причинах поражения дал Сталин: «внезапное

нападение». А на самом деле, говорит, «не было никакого русского Перл-Харбора». Это для него символ, классический образец внезапного неожиданного нападения. Да, конечно, Сталин и все военное руководство ошиблись, допустили грубый просчет. Однако же непозволительно забывать и о том, что у нас с немцами были два взаимовыгодных договора, гарантировавших мирное добрососедство, а у США с Японией в тот момент отношения были на крайнем пределе. И вот ясным утречком 26 ноября от острова Итуруп в Курильской гряде выходит огромная эскадра из 32 надводных кораблей, в том числе – шесть авианосцев, два линкора, три тяжелых крейсера, девять эсминцев во главе с легким крейсером да полсотни подводных лодок. И почти две недели идет эта армада чистым морем под ясным солнцем к Гавайским островам, к Перл-Харбору. Какая же тут неожиданность и внезапность? Однако же американцы при всей мощи и обилии их авиации, подводных лодок ухитрились ничего не видеть.

Но опять же не будем спорить, согласимся с нежным другом Америки, что там была невероятная неожиданность, а у нас только хлопали ушами, в результате чего – полный разгром! Прекрасно. Однако тут же возникает вопрос: что тогда помешало громилам тем же летом захватить три главных столицы страны – Москву, Ленинград, Киев? У историка «РГ» нет ответа.

Но у него есть недоумение: «Ведь «кто-то» убил сотни ты-

сяч немцев, черт возьми! «Кто-то» же задержал продвижение(!) немцев до Москвы на добрых четыре месяца и не дал им взять Ленинград, а тем самым спас Россию!». Ну, во-первых, до Москвы немцы на своих могучих и быстрых машинах да танках доперли не через четыре месяца, ближе всего они подошли в первых числах декабря. Сколько это? А вот Наполеон со своей пехтурой и конной тягой, начав вторжение на два дня позже, в начале сентября, т. е. через два с небольшим месяца, был уже в Москве. Вот о чем, мыслитель, поразмышлять-то надо бы на страницах правительственной газеты. А вы все недоумеваете: «кто-то» спас Россию. Кто же? Может, Минкин?

Но вернемся к «РАЗГРОМУ по крайней мере». Как он доказывается? Мыслитель начинает с цифр о потерях сторон. Тут абзац всего в четыре с половиной строки. И он сразу повергает в глубокое раздумье: ну, зачем, по какой причине люди, скорбная репутация которых хорошо известна, вновь и вновь подтверждают ее? В самом деле, все, кто интересуется, знают, что Радзиховский умен, как тетерев, эрудирован, особенно в военной области, словно килька пресного посола, а прекрасен в своих писаниях, как павлин. Давно, давно знаем! И вот он опять, опять это все показывает, доказывает, рассказывает.

Ну, смотрите. «Согласно советским официальным данным, советские войска потеряли.» Что за данные, чьи – Института военной истории, Министерства обороны, Верхов-

ного Совета, Военной коллегии Верховного суда?. Неизвестно. «Немецкие войска потеряли.» По каким данным? Опять неизвестно. «Независимые эксперты оценивают.» Где они? Как их звать? От чего не зависимые – от гонорара? От совети? От Татьяны Голиковой? Обратно неизвестно.

Однако, по неизвестным данным, говорит, к 6 июля, немцы потеряли 64 тысячи человек. Но я раскрываю книгу одного немца. Радзиховского восхищает немецкая организованность, точностью, Ordnung. Он должен уважать и этого немца – генерал-полковника Франца Гальдера, начальника Штаба сухопутных войск Германии. Многоопытнейший военный специалист на ответственной должности. Как раз 6 июля в своем дневнике он привел данные на 3 июля: «Всего потеряно около 54 тысяч человек. Значительно количество больных – почти 54 тысячи, т. е. равно боевым потерям».

Это наш автор никак не отразил. А ведь факт интереснейший: на дворе лето, погода теплая, никаких эпидемий, а за двенадцать дней столько больных! Может, среди них много симулянтов, не желавших воевать? Словом, так или иначе, а на 3 июля из строя выбыло $54 + 54 = 108$ тысяч, а к 6 июля, разумеется, и того больше. Конечно, некоторые больные выздоровеют, некоторые нет. Но Радзиховский, как мы знаем, и не слышал о больных, ему это не интересно, для него главное – уверить читателя, что наши потери раз в 10—12 больше.

И вот итоговая фраза абзаца: «А ведь обычно наступающие несут большие потери, чем обороняющиеся». И сразу

видно: как был тетерев, как был килька и павлин в одном флаконе, так и остался. Подкрепить свое «ведь обычно» ему нечем, исторических примеров, сравнений, аналогий в черепной коробке нет, там пусто.

Хоть сказал бы, умник, откуда взял эту «обычную» закономерность, кто внушил тебе, мыслитель, сей железный закон войны? Радзинской, что ли?!. Вот представь: идете вы теплой компашкой по улице Солженицына в Таганке – Познер, Сванидзе, Млечин, помянутый Эдвард, Новодворская и вы. Ни о чем страшном не думая, беседуете, конечно, о том, как ужасно было советское время и как ужасно вы все тогда страдали, едва выжили. А навстречу идут хорошо известные вам люди – допустим, Жириновский, Немцов, Грызлов и Миронов. Они беседуют о том же. Вы с ними недавно виделись, они вам говорили о дружбе, даже дали взаймы каждому по десять долларов. Прекрасно. Но вот они поравнялись с вами и вдруг с диким воплем кинулись на вас. И Познеру подбили правое око, Сванидзе – левое, Млечину свернули скулу, Эдварду вырвали язык, вам свернули шею, а уж что сделали с Новодворской, и сказать страшно. Конечно, вы стали бы отбиваться, может быть, даже Познер изловчится откусить у Жириновского ухо, а Новодворская оторвала бы что-нибудь у Миронова, но уверяю, что все же, несмотря на весь ваш героизм, синяков и шишек, выбитых зубов и сломанных ребер у вас было бы гораздо больше, чем у напавших. Понятен такой житейских примерчик? Если нет, по-

ясню: дело в том, что агрессор обдумал, спланировал нападение, изготовился к нему и выбрал самый подходящий момент для нападения. Вот так и немцы в сорок первом.

А теперь примеры уже не житейские, а исторические. 1 сентября 1939 года – слышали? – началась германо-польская война. Немцы – наступающие, поляки – обороняющиеся. По закону Радзинского-Лавуазье, выученному вами, первые должны нести большие потери, чем вторые. Но вот что было в реальности, а не в черепушке вольнодумца: немцы потеряли 10 600 человек убитыми и 30 300 ранеными, а поляки соответственно – 66 300 и 133 700 (ИВМВ. Т. 3, с. 31), то есть обороняющиеся потеряли убитыми почти в семь раз больше, чем наступающие. Где ж ваш закон, Радзиховский? Не хочется признать, что сидите в луже? Тогда еще примерчик.

В мае 1940 года немецкая армия обрушилась на Францию. Опять немцы – наступающие и по закону Лавуазье опять должны нести большие потери, чем обороняющиеся французы. Но что было в жизни, а не в высоколобой голове мыслителя? У немцев 27. 074 убитых, а у французов – 84 000 убитых да еще их союзники англичане потеряли 68 тысяч убитыми, ранеными и пленными (Там же. С. 102, 115). Посчитайте, сударь, если умеете, каково соотношение.

Можно вспомнить цифры и посвежей. В Корее американские бандиты потеряли вместе со своими натовскими прихвостнями 58 000 бандитских душ, во Вьетнаме – примерно

столько же, а корейцы – сотни тысяч, вьетнамцы – около 1, 5 миллиона. Но вот интересно: наши летчики, помогая корейцам, сбили 1309 американских самолетов, потеряли 135 машин. Почему? А потому, что имели богатейший опыт Великой Отечественной. Но еще интересней, что в обоих случаях американцев, понесших гораздо меньшие потери, чем корейцы и вьетнамцы, вышибли с чужой земли.

Поняли вы, килька, хоть теперь степень вашего долдонства? Ничего он не понял! Объясняю: нет такого закона, что наступающие всегда или «обычно» несут большие потери, чем обороняющиеся. Потери с обеих сторон зависят от множества конкретных причин.

А он, как ни в чем не бывало, продолжает: «За две недели (т. е. к 5 июля) немцы продвинулись вглубь советской территории где-то на 500, где-то на 250 километров». Это, говорит, был «панический драп» Красной Армии. Но где же, милочка, на пятьсот-то продвинулись? Назови хоть один городишко. Куда там! Он же ни одну карту военных действий не видел, ни одну схему сражений в руках не держал. Ну, что ж, опять помогу. Как раз 5 июля, через две недели, немцы захватили Пинск. Так ведь это все-таки не 500 и даже не 250, а примерно 175 километров от границы. Тяжело, горько, но все же.

В первые дни и недели немцы глубже всего продвинулись на центральном Западном направлении. В дневнике Гальдера за 6 июля, естественно, больше всего упоминается горо-

дов именно этого направления: Кировоград, Бердичев, Коростень, Мозырь. Однако же первый они захватили 4 августа, второй – 7 августа, третий – 8 августа, четвертый – 22 августа, т. е. после двух месяцев боев. По масштабу событий далековато это от 5 июля. Тем более, все эти города от границы – не 500 километров, а 320—370.

Не очень это похоже на «панический драп»-то, сударь. Особенно, если вспомнить, что польское правительство через две с половиной недели, видя безнадежность положения, бросило народ и удрало за границу. Вот уж драп так драп! А Франция и ее английские друзья? Немецкий удар 10 мая застал их врасплох. И это на девятом месяце войны! Войска занимали линию Мажино и все оборонительные рубежи были укомплектованы, и все курки на взводе. Через две недели англичане, бросив французов, начали драп за Ла-Манш. 25 мая генерал Вейган, назначенный 19 мая Главнокомандующим вместо смещенного Гамелена, доложил президенту Лебрену и правительству, что «Франция совершила огромную ошибку, вступив в войну» и что сейчас Анже, километрах в пятистах от границы, куда драпануло правительство, 73-летний Вейган при поддержке 83-летнего маршала Пэтена прямо потребовал капитуляции. На другой день немцы без боя вошли в Париж, объявленный открытым городом. Вот вам примеры настоящих-то драпов, подлинной паники, тов. Радзиховский. А зачем на своих-то врать, дело и без того было тяжкое, кровавое, трагическое.

Об иностранных драпах наш историк войны и не слышал, и знать о них не хочет. Для него гораздо интересней заявить, что Красная Армия освободила, но он опять врет. Огромную территорию вплоть до Киева освободили к 6 ноября еще 1943 года. А упомянутые города освобождали так: Коростень – 29 декабря опять же 43-го, Бердичев – 5 января 44-го, Кировоград – 8 января 44-го, Мозырь – 14 января 44-го. Январь это конец года? Хлебом его не корми, но дай хоть на годок, на месяцок, хоть на недельку соврать.

Наши войска вышли на госграницу с Румынией 26 марта 1944-го. Март – это по какому календарю конец года? 20 июля Красная Армия вступила уже на территорию Польши. 21 июля – вышла на границу с Финляндией. 17 августа – на границу с Восточной Пруссией, т. е. с Германией. В октябре была восстановлена вся госграница. Все-таки в октябре, а не в ноябре, не в декабре.

Но лихой историк ничего знать не хочет: разгром!. РАЗГРОМ!. паника!. ПАНИКА!. драп!. ДРАП!. И это, мол, чисто советские штучки, на цивилизованном Западе они невозможны. Ну, хоть кол на голове чеши, хоть осла с него пиши. Но отчасти такое долдонство даже интересно. Поэтому, прикинемся братьями по разуму и спросим: так в чем причина-то всех этих кошмаров?

Как в чем! «Ведь вся(!) политика большевизма с первого(!) дня сводилась только(!) к ПОДГОТОВКЕ К ВОЙНЕ, а оказались ТРАГИЧЕСКИ НЕ ГОТОВЫ». Вот такую натууж-

но гиперболическую, предельно взвинченную манеру речи – «вся!». «с первого!». «только!». да еще подчеркивание нужных слов – я раньше знал лишь у двух великих людей – у Гитлера и Чубайса. И вот третий. Но все-таки, да неужто «вся политика» была такова? Конечно, и ликвидацию беспризорщины можно представить как политику подготовки к войне: сегодня беспризорник – завтра солдат. И ликвидацию безграмотности: грамотный солдат легче овладеет техникой и оружием. И запрет аборт: чем строже запрет, тем больше солдат! А зачем было такое вкусное и дешевое мороженое? Чтобы закалить и подготовить будущих солдат к суровым морозам 41 года. Зачем «Лебединое озеро» в Большом театре? Маскируемся, усыпляем бдительность врага. Ваш учитель Радзинский писал, что и метро мы строили из расчета войны. И ведь отчасти прав властитель дум: московское метро во время войны служило бомбоубежищем. А колоссальный рост населения со 150 миллионов в «первый день» до 195-ти в 1941? Да это же вопиющая агрессивность! Словом, я даже не знаю, что нельзя изобразить как подготовку к войне.

Но что же надо было нам делать, чтобы убедить вас с Эдвардом в наших мирных целях, чтобы вы успокоились, не нервничали – проводить политику депопуляции, как нынешние правители, погребаящие по 800 тысяч душ в год? Или – деиндустриализации, как те же правители ныне, лепечущие о нанотехнологиях во главе с Чубайсом? Или запретить мо-

роженое, как марихуану? Право, я и это не знаю.

Может быть, вы милостиво примите во внимание хотя бы то, что в царское время было военное министерство, а в советское – обороны, и были очень почетные значки «Готов к труду и обороне», а не к войне, и в песнях мы пели:

Если завтра война, если враг нападет,
Если черная туча нагрянет.

Или:

Чужой земли мы не хотим ни пяди,
Но и своей вершка не отдадим!

Неужто это все тоже для маскировки агрессивных планов?

Но слушайте дальше, читатель. Заявив, что вся политика с первого дня была военной, наш друг тут же продолжает так: «Конкретнее – вся(!) промышленность СССР в 1939-41 годах работала ТОЛЬКО на войну». Опасаясь, что не все поймут, каков истинный уровень его долдонства, он опять выделяет его опознавательные знаки крупным шрифтом.

Но почему «конкретнее»? Человек употребляет слова, смысл которых ему непонятен. Надо было сказать не «конкретнее», а «в частности». А так глупость о работе «всей промышленности» в 1939-41 годах если не опровергает уже сказанную глупость, то уж явно сбивает с толку. Действи-

тельно, зачем выделять эти три год, если уже сказано о всем советском времени, как о всеохватной подготовке к войне?

И вот, говорит, «с первого дня к войне готовились из всех сил, и оказались ТРАГИЧЕСКИ НЕГОТОВЫ. Несмотря на истерический ор начальства, войска беспорядочно бежали.» Странно, что слово «бежали» автор по обыкновению тоже не выделил крупным шрифтом. Да, к сожалению, кое-кто действительно бежал, но согласитесь, сударь, что все-таки, как показано выше, не столь стремительно и очертя голову, как поляки, французы и англичане, уж не говоря о десятке «прочих шведах» разных национальностей. Причем, поляки и французы прибежали не куда-нибудь, а к своему полному поражению и капитуляции. А мы в первый год бежали, бежали и прибежали к разгрому немцев под Москвой, а на следующий год бежали, бежали и прибежали к их разгрому под Сталинградом. Ведь все-таки между этими забегами есть некоторая разница. Не находите?

Но вот интересно, какое начальство издавало истерический ор? Уж не Молотов ли, закончивший свое выступление по радио в первый день войны словами «Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами»? Или Сталин в речи 3 июля?

Да о чем говорить! – вопиет Радзиховский.»Паника, охватила самое высшее руководство». Что, руководство на третьей недели войны бежало в Монголию, как поляки в Румынию, или, как французы, объявило столицу открытыми го-

родам и стало обсуждать, как лучше капитулировать? Нет, ничего этого не было, и никаких имен оратор не называет. В чем же дело?

Вот: «Самый яркий пример паники – оглушительное молчание Сталина в течение 11 дней и лязганье зубами о стакан 3 июля». Чье лязгание вы слышите, читатель? Господи, какое плоскоумие! Он убежден, что в первый день войны по первой программе обязано выступить именно первое лицо государства. И никак иначе! Откуда это? Да от нынешнего телевидения, от которого он отлепиться не может. А там каждый день эти первые лица, эти VIP-персоны по всякому VIP-пустяку VIP-речи произносят.

Но оглянулся бы назад и задал себе несколько вопросов: а президент Польши выступил 1 сентября 1939 года, когда напала Германия? А 2 сентября, когда Франция, а 3-го Англия объявили войну Германии, что делали французский президент Лебрен и английский премьер Чемберлен? Может быть, выступили хотя бы 10 мая 1940 года, когда началось немецкое вторжение? А японский император и Рузвельт сказали речи 7 декабря 1940 года, когда Япония нанесла страшный удар по Перл-Харбору и началась война? Наконец, выступление Медведева в день нападения Грузии на Южную Осетию вы помните?

Но интересней всего, почему Гитлер перед нападением на Польшу выступил, объявил ей войну, а перед нападением на СССР промолчал, поручив Геббельсу в 5. 30 утра прочитать

по радио свое «Обращение к народу» Ведь у Гитлера-то все было в руках, все спланировано и рассчитано. А на Сталина война свалилась внезапно.

Так вот, в большинстве названных случаев руководители государства не выступали по радио. Не буду разбирать все случаи, скажу только о Сталине и Гитлере. Они оба понимали, что их слово слишком много значит и на родине, и во всем мире. Гитлер выступил перед нападением на Польшу, ибо тут была твердая уверенность в быстрой и полной победе. Никакого риска. Другое дело – СССР. Тут он первый раз выступил публично лишь в октябре, когда немцы были уже не так далеко от Москвы и победа, казалось, в кармане. И он брякнул: «Враг повержен и уже никогда не поднимется».

И Сталин не выступил по той же причине: понимал значение своего слова. Надо было выждать, посмотреть, как будут развиваться события. А выступил не кто-нибудь, не заведомо пропаганды ЦК, а Молотов, нарком иностранных дел, член Политбюро – второе лицо в государстве и партии. Нормальное дело. А Геббельс, к слову сказать, вторым лицом в Германии не был.

Сталину и не нужно, и нельзя было выступать 22 июня, да он даже физически не мог это сделать, ибо сразу навалилось множество важнейших, срочных, неотложных дел, которые невозможно было решить без его участия. В этот день с пяти утра до пяти вечера у него состоялось 29 встреч с политическими, военными и хозяйственными руководителями

страны. А всего за первые семь дней «оглушительного молчания» у Сталина состоялось 173 встречи, беседы, совещания, на которых он лязгал зубами. И это только в кремлевском кабинете. А ведь встречи могли быть и в Совнаркоме, и в ЦК, и дома, и на даче.

Приведенная цифра взята из журнала, в котором регистрировались посетители этого кабинета. Он велся с 1925 года. Впервые записи из него, относящиеся к первым дням войны, были опубликованы в журнале «Известий ЦК КПСС» двадцать лет тому назад. Позже и в сокращенном и в полном виде это печаталось многократно. И если ты за двадцать лет не заглянул туда, то чего лезешь писать о том, что делал Сталин, когда началась война? Там же все расписано по часам и минутам. Но гораздо вероятнее, что Радзиховский знает о журнале посещений, но сознательно врёт в правительственной газете об «оглушительном молчании» и о «панике» Сталина, как и всего высшего руководства страны.

А мог Сталин орать? По некоторым данным, был такой случай 29 июня, когда пал Минск. Явился в наркомат обороны и наорал на Тимошенко и Жукова. А вы, килька, что, не допускаете во время войны ничего кроме ласкового полупшепота? Вы хоть футбольные матчи смотрите? Даже в спорте дело доходит до потасовок, а тут, ваше степенство, война, судьба родины решается.

Почитайте воспоминания хотя бы Рокоссовского, слывшего у нас деликатнейшим из военачальников. Так он, де-

ликатнейший, рассказывает, как в те же дни июня едва не расстрелял – уже выхватил пистолет – одного полковника, оказавшегося трусом.

Сталин, говорит, мог только зубами щелкать, поскольку сам же на высокие военные должности «выдвинул людей слабых, бездарных», а у немцев – «талантливые, опытные, отборные генерала». Ну, просто высший сорт, цимис мит компот! «У них четкая немецкая организация». И за что только к февралю 1942 года 187 из этих генералов Гитлер отправил к чертовой бабушке?

Но кто же сей отборный гитлеровский цимис? Неизвестно. Никого не назвал. А у нас слабые да бездарные? О, тут он землю роет! Правда, предпочитает оперировать не конкретными именами, а цифрами: «10 человек возглавляли Наркомат обороны к 22 июня. Из них только Жуков, Шапошников и в куда (какая прелесть – «в куда»! – В. Б.) меньшей степени Мерецков показали себя толковыми генералами в войну. Остальные же принесли вред – и за их ошибки заплачено сотнями тысяч жизней». В таких случаях только трусы и подонки прячутся за такие словечки, как «остальные». Порядочные люди называют конкретные имена.

И вот что странно. Человек говорит о Наркомате обороны, а называет работников Генштаба. Это близкие, тесно связанные, но все же разные инстанции, что известно любому тетереву. Ну, хорошо, эти трое названных «показали себя», а кто все-таки остальные семь – бездарные-то? Например, заме-

ститители начальника Генштаба Ватутин и Василевский, ставший в 1942-м начальником, – слабы и бездарны? И на них вы, бесстыдник, вешаете сотни тысяч жизней?

Ответа не дает, а опять угощает безликой статистикой: «Из 21 командарма на 22 июня лишь 2-3 проявили себя на войне». А остальные тоже – только вред? Да, вред и ничего больше, – говорит килька, уверенная в том, что она кит.

«Только в ходе войны выявились у нас настоящие полководцы». А как же в мирное время они могут выявиться? «Сравните маршалов довоенных – Ворошилов, Буденный, Кулик, Тимошенко и маршалов войны – Жуков, Рокоссовский, Конев, Василевский.» Умник, да ведь так всегда в жизни и бывает. Первая мировая и особенно Гражданская выдвинули, допустим, Буденного и Фрунзе, а Халхин-Гол и Отечественная – Жукова и Рокоссовского. Именно тогда они стали полководцами, а раньше были только военачальниками, командирами эскадронов, полков, ну, дивизий. Что вы тут обличаете – саму жизнь? Вы похожи на психа, который хвастался, что у них в дурдоме построили прекрасный бассейн, и он уже научился плавать и даже ныряет с вышки, хотя воды в бассейне еще нет.

Тот псих тоже негодовал бы, почему 22 июня Тимошенко, Буденный и Ворошилов не стояли на страже наших границ во всем богатстве современного военного опыта и, как в песнях Дунаевского, не отдали ни вершка своей земли. Но откуда мог взяться такой опыт? Вот у Бока, Манштейна, Гудери-

ана, разгромивших Польшу, Францию и еще десяток стран, такой уже двухлетний опыт был, что и оказалось одной из важнейших причин их успехов и наших бед в 41—42 годы. Неужели непонятно?

А он опять свое: «Не сталинские отделы кадров, а война отобрала настоящих полководцев. Поднялся и уровень генералов, офицеров». Правильно. Да вы оглянитесь на себя. Не так уж давно вы были жалкой газетной килькой, печатались в «Московском комсомольце» на одной полосе с объявлениями представительниц первой древнейшей профессии, а в ходе войны против советской истории вы накачали мускулы, отточили зубы и стали широко известным фальсификатором истории и печтаетесь уже в правительственной газете, скоро Медведев и орден вам даст. Ведь так ясно!

Да, говорит, но настоящих-то полководцев «война отобрала уже только к 1943-44 году». Полно врать-то, фальсификатор. А кто долбалнул немцев еще летом 41-го под Ельней? Кто заставил их тогда же впервые за всю Вторую мировую перейти к обороне в Смоленском сражении? А не Тимошенко ли вышиб их осенью из Ростова-на-Дону? Кто зимой ошарашил фрицев и попер их от Москвы, в эти же дни освободит Тихвин? А про Сталинград слышали? Это что – 44 год? Нет, там еще в 42-м устроил отборным немцам котел с подогревом. Вы, возможно, думаете, что это английские друзья изловчились? Нет, батюшка, это Жуков, Василевский, Рокоссовский, Еременко и множество других шибко неинтерес-

ных вам мужиков.

Но самое-то главное, говорит, Сталин «довел страну до грани гражданской войны». Как интересно! Это что же за «грань»? Может, были где-то забастовки в 1932 году по случаю выполнения плана первой пятилетки в четыре года? Или – манифестации против отмены карточной системы в 1934-м? Или, как ныне, – террористические акты, поджоги, бунты и восстания по случаю чествования памяти Пушкина в 1937-м? Нет, ничего подобного перед Отечественной войной не было. Откуда же взял «грань»? Да все оттуда же – у Радзинского или Розовского, у Познера или Сванидзе, у Володарского или Млечина. (Увы, к великому сожалению, все евреи и только один француз.) Они же все время снабжают друг друга «темными пятнами», тем и живут.

«На гражданскую войну, говорит, немцы и рассчитывали». Врешь, писатель. Они рассчитывали на свою армию, на силу ее удара, под которым рухнет не только наша армия, но и само многонациональное Советское государство. Просчитались и в том и в другом. Не заметил?

Нет, нет, говорит, на гражданскую войну они рассчитывали – «и не зря. Ведь больше 800 тысяч советских граждан воевали в германской армии». Так это ж другое дело, это не гражданская война. В приказе Сталина №227 указывалось, что к июлю 1942 года «Мы потеряли более 70 миллионов населения», по другим данным – даже 45%, т. е. миллионов 90 (Великая Отечественная война. Энциклопедия. М. 1985. С.

380). Из такого человеческого массива на оккупированной территории можно было не только угрозами наберечь 800 тысяч пособников. Но ведь по-настоящему-то с оружием в руках воевала против Красной Армии, и то лишь с конца 1944 года, только власовская армия. А вся-то она состояла лишь из двух дивизий, первой командовал полковник Буняченко, второй – полковник Зверев. Как ни считай, больше 25—30 тысяч солдат в этой «непобедимой армаде» быть не могло. И, принимая во внимания, что после революции, от которой пострадали многие, тогда прошло всего двадцать с небольшим лет, удивляться надо не тому, что власовская армия возникла, а тому, что она столь ничтожна. Критик Сарнов был уверен, что Власов вел в бой миллионы. Когда я однажды в Малеевке просветил его на сей счет, он три дня в столовой не появлялся, был в коме. Но формировались разного рода вспомогательные части из мобилизованных немцами советских граждан – стройбаты, саперные части и т. п. Было ли это в сумме 800 тысяч, не знаю, как и Радзиховский.

Очень увлекательно дальше: «А если бы политика немцев была «умной»? Если бы немцы не только открывали церкви, а распустили колхозы и дали землю крестьянам; если бы они создали какое-то марионеточное русское правительство»; если бы. Тогда ход войны мог бы быть иным». Тогда сбылась бы пламенная мечта помянутого Минкина, вашего друга сердешного, которую он обнародовал в Германии, Америке и в своем «МК»: Гитлер победил бы, и не в 45 году,

а в 41-м. Какая была бы радость, какое торжество свободы и демократии для всех минкиноидов! Как бы они рукоплескали из душегубок!

Вот вы, Радзиховский, взяли откуда-то 800 тысяч советских граждан, но иностранные граждане вас не интересуют? А ведь тут для вас есть гораздо более интересные данные. Судя по фамилии, вас можно принять за поляка. Так вот, в советском плену оказалось 60. 280 поляков. Их армию немцы уничтожили, страну превратив в свое генерал-губернаторство, ликвидировали, а они вместе с немцами против братьев-славян! Примечательно. А если вы еврей, тоже интересно вам узнать, что у нас в плену оказалось 10. 173 еврея. Уж еврею-то!. И ведь это только в плену, а были же и убитые (не числятся ли они как жертвы холокоста?), и пропавшие без вести, и те, кто по ранению вернулись домой.

Откуда эти данные? А я не обязан указывать источник, если оппонент не указывает. Но уж так и быть: «Военно-исторический журнал». Какой номер? Ну, хоть чуток-то поработайте сами, не все у других списывать.

А вот и еще безо всяких доказательств: «Несмотря на промывание мозгов и хвастливую сталинскую пропаганду, крестьяне (армия была крестьянская) не хотели воевать «за советскую власть и колхозы».

Как уверенно и решительно! Можно подумать, что сам он, тамбовский крестьянин, все это видел, и в колхозе спину гнул, и всю войну прошел. Но, во-первых, нельзя не заме-

тить, что уж в деле «промывания мозгов»-то ваша компашке далеко превзошла всех на свете, включая знаменитое министерство пропаганды на Унтер ден Линден. Недавно использовали в этих целях даже смерть великой русской певицы Людмилы Зыкиной: как, мол, советская власть угнетала ее, как глумилась, даже не разрешила купить иностранную машину. Тут вспоминается Маяковский, только что вернувшийся из Франции:

Москва
обступила меня,
сипя,
до шепота
голос понижен:
– Скажите,
правда,
что вы
для себя
купили авто
в Париже?
С меня эти сплетни,
как с гуся – вода,
надел хладнокровия панцирь.
Купил, говорите?
Конечно. Да.
Купил. И бросьте трепаться.

Так вот, Радзиховский, бросьте сипеть и трепаться о ста-

линской пропаганде. Если «сталинская пропаганда» призывала, например: «Даешь пятилетку в четыре года!» – так и было. Если утверждала: «Жить стало лучше, жить стало веселее» – и все видели это. Если в первый же день войны заявила «Враг будет разбит! Победа будет за нами!» – и точно! Сравните ее с нынешней пропагандой. Например: «Создадим с братьями белорусами единое Союзное государство!» – и объявляют Белорусии простоквашную войну. «Удвоим ВВП!» А оказалось, имелся в виду второй президентский срок. А экономика вляпалась в кризис, производство падает. «Ветеранам войны в 2008 году – машины либо компенсацию в 100 тысяч рублей!» Приходите, Радзиховский, ко мне, ветерану, хоть с Познером, поищите эти сто тысяч. Найдете – половину вам подарю.

Но вот уж «крестьянскую армию»-то куда девать? По переписи 1939 года крестьяне вместе с кустарями составляли 47, 2% всего населения страны. Ну подумай, умник царя небесного, как же армия могла быть сплошь крестьянской.

А о том, что эта «крестьянская армия не хотела воевать», не желаете ли, сударь, побеседовать с маршалом Рокоссовским, например. В своих воспоминаниях «Солдатский долг» он пишет о днях трагического начала войны: «Мне представляется важным это засвидетельствовать, как очевидцу и участнику событий. Многие части переживали тяжелые дни. Расчлененные танками и авиацией врага, они были лишены единого руководства. И все-таки воины этих частей упорно

искали возможности объединиться. Они хотели воевать» (с. 61). И маршал приводит факты. Доказывающие это.

Итак, Рокоссовский говорит «хотели», а вы – «не хотели». Кому же читатель поверит – знаменитому полководцу, всю жизнь отдавшему родной армии, прошедшему всю Великую Отечественную, коммунисту, известному своей честностью и неподкупностью, или вам – малограмотной кильке ни дня не служившей в армии, лжецу и клеветнику, холую и прихлебателю режима В. В. П., который то стоит на коленях перед собакой 41-го президента США, вычесывая у нее блох, то являет 43-му величие русского духа посредством впечатляющего зрелища, как сапогом раздувать самовар? Это не вы сапог-то качали?

2009

Минное поле клеветы

В Интернете некто Антон П., а до него известный клеветой на Михаила Шолохова ленинградский тележурналист Виктор Правдюк в 90-серейном фильме «Вторая мировая война» заявили, что в Красной Армии во время Великой Отечественной войны для преодоления противотанковых минных полей посылали солдат, под сапогами которых мины взрывались, и так своими жизнями солдаты прокладывали дорогу танкам. Если даже отбросить всякие соображения о сбережении сил и человечности нашего командования, это малограмотная чушь хотя бы по двум причинам. Во-первых, противотанковая мина довольно дорогая штука, тратить ее персонально на солдата весьма «неэкономично», она предназначена для поражения танков, САУ, БТР и другой боевой техники по возможности вместе с экипажем или прислугой, и потому не взрывается под сапогом единичного пешотинца, а только – при наезде этой техники, которая гораздо увесистей любого бойца, даже двух вместе – таких, как Антон с Виктором на закорках. Всякий может сообразить, что это так, но поскольку я на фронте прямого отношения к минам все-таки не имел (они ко мне, конечно, имели), то обратился к маршалу Язову Д. Т., офицеру Великой Отечественной. Он сказал, что противотанковая мина срабатывает лишь в случае, если на ее взрыватель (!) оказано давление в

200—250 килограмм. Во-вторых, очень интересно, продолжал бы шагать вперед Правдюк (или Антон П.) при виде, как на его глазах разнесло в куски Антона П. (или Правдюка), собрата по разуму?

Антон П. источник своего вранья не указывает, почему-то думая, что ему и так все поверят. А у Правдюка все-таки есть намек: это, мол, маршал Жуков рассказывал генералу Эйзенхауэру. Где? Когда? По какому случаю? Неизвестно. Но все-таки названо большое имя. Но что такое это имя в данном контексте? Во время войны в Европе Эйзенхауэр как главнокомандующий войсками союзников был соперником Жукова и, естественно, мечтал, чтобы американцы взяли Берлин. Черчилль 1 апреля 45 года писал Рузвельту: «Русские армии, несомненно, захватят всю Австрию и войдут в Вену. Если они захватят также Берлин, то не создается ли у них слишком преувеличенное представление о том, будто они внесли подавляющий вклад в наши общую победу...» В те дни Эйзенхауэр, соглашаясь и с Черчиллем, и с английским фельдмаршалом Монтгомери, что Берлин «важнейший объект после Рура», писал фельдмаршалу: «Ясно, что Берлин является главной целью. Тот факт, что мы должны сосредоточить всю нашу энергию и силы с целью быстрого броска на Берлин, не вызывает сомнений... Если у меня будет возможность взять Берлин, я его возьму».

Не вышло...

Потом Эйзенхауэр стал президентом США. Это были уже

годы холодной войны, когда удивляться американской клевете на Советский Союз, на Отечественную войну и ее героев не приходилось. Так вот, поддался ли генерал этому соблазну? Тут мы подходим к самому важному.

26 ноября 2002 года в «Московском комсомольце» была напечатана пространная беседа киносценариста Эдуарда Володарского с журналистом Марком Дейчем. Последний в характеристике не нуждается. А о первом достаточно сказать, что вышло более 50-ти фильмов по его сценариям, издано десятка два романов, сборников повестей, рассказов, были времена (советские, разумеется), когда, по его же словам, пьесы володарского сочинения шли одновременно в шести столичных театрах, да еще «по всему Союзу». (Может кто-нибудь вспомнить хоть одну?) И при всей этой кино-издательско-театральной фантаσμαгории он гневно заявляет: «Цензура меня душила». А? То есть он, видимо, хотел, чтобы во всех театрах Москвы шли одновременно его пьесы, но цензура тридцать пьес задушила. Есть еще вопросы о менталитете товарища Володарского? Напомним также, что именно по его сценарию поставлен фильм «Штрафбат», который вынуждена была заклеить как шедевр невежества и лживости даже межеумочная «Литературная газета».

Чтобы дать представление о его осведомленности в истории Второй мировой войны, приведу лишь один пассаж из беседы с Дейчем: «Американцы были вояки те еще! В 44 году немцы кое-как собрали три дивизии из 15-летних маль-

чишек, из сопляков. И эти три дивизии так вмазали американцам в Арденнах, что те покатались, как грох по полу. 15-летние мальчишки их отмутузили!»

Это он, видимо, хотел изобразить себя то ли антиамериканцем, то ли советским патриотом. А на самом деле это чушь, достойная Правдюка. Какие три дивизии? Какие мальчишки? Там была мощнейшая группировка: 7-я общевойсковая армия, 5-я танковая армия, 6-я танковая армия СС да еще особая танковая бригада Отто Скорцени для действия в тылу противника – всего около 250 тысяч сопляков, имевших примерно 1000 танков, 800 самолетов, 2617 орудий и минометов. Да, американцы бежали верст этак сто, но потом, когда мы по просьбе Черчилля раньше плана начали Висло-Одерскую и Восточно-Прусскую операции и оттянули несколько дивизий сопляков, союзнички очухались и, потеряв 77 тысяч солдат и офицеров, все-таки отбросили немцев.

Это о немцах и американцах. А вот что Володарский лепечет о Красной Армии: «Жуков, вспоминая об операции «Багратион», пишет: чтобы не снижать темп наступления, потребовались свежие силы. Из резерва была выделена 10-я армия, но ее все нет и нет. Стали выяснять, в чем дело. Оказывается, от голода армия легла, солдаты не могли идти. Они четверо суток не получали паек. Уж если такое происходило с резервом армий, то можете догадаться, как кормили штрафников».

Во-первых, штрафников кормили так же, как всю ар-

мию, что подтверждает хотя бы живущий ныне в США Лев Бенционович Бродский, бывший штрафник 8-го штрафного батальона 1-го Белорусского фронта (Новое русское слово № 20'05. Нью-Йорк). Можете ему позвонить, Володарский. Во-вторых, никакой необходимости привлекать свежие силы, чтобы не снижать темп наступления во время операции «Багратион» в Белоруссии, не было: сил имелось достаточно, а темп наступления – очень высок: 20—25 километров в день. В-третьих, где же и когда же это Жуков писал? Тайна фирмы Володарского.

А главное, как могло случиться, что летом 44 года целую армию, то есть тысяч 80 или больше человек морили голодом? Да почему же Сталин или Жуков, обнаружив это, немедленно не отдали под суд начальника тыла генерала армии Хрулева Андрея Васильевича? И тут ларчик с треском открывается: 10-й армии тогда не существовало. «Багратион» это 23 июня – 29 августа 1944 года. А 10-ю армию еще в апреле Ставка расформировала, на базе ее управления создав управление 3-го Белорусского фронта, в составе которого под командованием генерала армии Черняховского, а после его гибели – маршала Василевского довелось дойти до Кенигсберга и моей части. Дейч! Хоть вы, что ли, втемяшьте мэтру: 10-я армия летом 44-го просто не су-ще-ство-ва-ла! Вот такой он знаток войны на западе и на востоке.

И еще один штришок портрета художника-гуманиста. В «Штрафбате» показана русская деревня, занятая немцами.

Сходились некоторые наши женщины с оккупантами? Я лично таких не встречал, но, понимая, сколь многообразна жизнь, допускаю: кто под угрозой, кто – чтобы выжить, а, видимо, были и такие, что по доброй воле. Так вот у Володарского молодая русская женщина сходится с немцем добровольно, но этого ему мало: она у него еще и вдова погибшего на фронте солдата, у нее к тому же и сына-подростка немцы убили уже тут в деревне едва ли не на глазах, а малолетняя дочка всегда с радостью встречает немца: «Дядя Курт пришел. Шоколадку принес!» А это, вполне возможно, убийца ее отца. Вот теперь русский художник Эдуард Володарский доволен созданным образом русской женщины.

А о Жукове говорит: «Солдаты на фронте называли его мясником». То же самое, слово в слово, 22 июня изрыгнул и Правдюк. Они сами слышали это, когда матушка им задницу после горшка вытирала... Но вот документальный факт. Во время Сталинградской битвы Жуков поучал и стыдил командование 1-й гвардейской армии (генерал-лейтенант Голиков): «Разведка работает у вас плохо. Нельзя полагаться только на патриотизм, мужество и отвагу наших бойцов, бросать их в бой на неизвестного вам противника одним призывом «Вперед!». Немцев «на ура» не возьмешь. Мы не имеем права губить людей понапрасну» (Н. Яковлев. Маршал Жуков. М., 1995. С. 132). Таких наставлений Жукова и Сталина командующим войсками можно привести немало.

И вот она, главная ложь Володарского, подхваченная дву-

мя выше упоминавшимися ораторами: «Генерал Эйзенхауэр в своих воспоминаниях пишет, как он увидел под Потсдамом огромное поле, устланное трупами русских солдат. Выполняя приказ Жукова, они штурмовали город в лоб под кинжальным огнем немцев. Вид этого поля поразил Эйзенхауэра. Ему стало не по себе, и он спросил Жукова: «На черта вам сдался этот Потсдам?» О, тут уже указан источник: воспоминания Эйзенхауэра. Но как они озаглавлены? Секрет. Почему дан пересказ, а не цитата? Тайна той же торговой фирмы. На какой это странице? Неизвестно... Но вот я держу в руках эти воспоминания – «Крестовый поход в Европу», 526 страниц. И там ничего подобного нет. А есть, например, такое: «Маршал Жуков в силу его особого положения в Красной Армии как ответственный руководитель в крупных сражениях за несколько лет войны получил больший опыт, чем любой другой военный нашего времени. Его обычно направляли на тот участок фронта, который в данные момент был решающим. Это опытный солдат» (с. 521). Еще Эйзенхауэр говорил: «Я восхищен полководческим дарованием Жукова и его человеческими качествами. Когда я был Главнокомандующим союзными войсками в Европе, все мы, буквально затаив дыхание, следили за победным маршем советских войск под командованием Жукова на Берлин. Мы знали, что Жуков шутить не любит, и если уж он поставил цель сокрушить цитадель фашизма в самом сердце Германии, то непременно добьется своего» (Цит. по кн. генерала армии М. А.

Гареева. Маршал Жуков. Москва – Уфа, 1996. С. 215). При этом Эйзенхауэр, естественно, помалкивал о своих честолюбивых мечтах тех дней...

Но вернемся к словам сценариста. Может, он напутал: не читал он это в воспоминаниях Эйзенхауэра, а тот лично рассказал ему перед смертью в 1969 году о разговоре с Жуковым? Очень маловероятно. Дело в том, что генерал не мог спросить «На черта вам Потсдам?!», ибо он-то в отличие от сценариста прекрасно знал, что именно в этом районе западнее Берлина соединились войска 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов, завершив окружение огромной берлинской группировки.

Потсдам взяли 27 апреля. Поскольку там, как уверяет Володарский, еще лежало множество убитых, то выходит, что маршал и генерал встретились на поле боя если не в тот день, то вскоре. Но неужели вы не знаете, несчастная жертва советской цензуры, что ведь война еще продолжалась, шли ожесточенные бои, командующим было не до встреч с иностранцами, и Жуков скорее всего находился в войсках или в штабе своего 1-го Белорусского, который располагался в Венденшлоссе, а Эйзенхауэр – в своей Ставке во Франкфурте-на-Майне за сотни километров от Жукова и Потсдама.

Если хоть на грош поверить Володарскому о встрече в Потсдаме, то можно подумать, что она имела место там во время конференции руководителей держав победительниц, проходившей с 17 июля по 2 августа. Что ж, так и валялись

тела убитых 2-3 летних месяца, отравляя трупным смрадом город, в котором шла столь высокая конференция, и всю округу? Чушь, разумеется.

А на самом деле, Жуков и Эйзенхауэр впервые встретились в самом начале июня и не в Потсдаме, а в штабе 1-го Белорусского в Венденшлоссе. «Встретились мы по-солдатски, можно сказать, дружески, – вспоминал маршал, – Эйзенхауэр, взяв меня за руки, долго разглядывал, а потом сказал:

– Вот вы какой!» (Воспоминания и размышления. 11-е изд. Т. 3. С. 316).

Ничего подобного! – визжат володарские правдюки. Как сами слышали: «Зачем вы за Потсдам столько людей положили?» – спросил Эйзенхауэр. В ответ Жуков улыбнулся и сказал (я запомнил точно, – уверяет Володарский): «Ничего, русские бабы еще нарожают». Да зачем же запоминать, когда можно указать страницу? Увы...

Сделаем страшное допущение: советских солдат действительно гнали на минные поля и под их ногами взрывались противотанковые мины. Но ведь надо же быть дважды болваном и трижды подонком, чтобы еще и рассказать об этом иностранному генералу с «победной улыбкой». Да, вот эти трое, желая угодить начальству, пожалуй, послали бы солдат на минное поле и рассказали бы об этом первому встречному иностранцу.

У маршала Жукова осталось три дочери: Элла, Эра и Мария. Милые, как вы можете терпеть такую клевету на сво-

его великого отца? Вместо того, чтобы участвовать в мероприятиях вроде несуразной передачи Якубовича о Жукове, или повторять выдумки о том, что Сталин-де хотел принять Парад Победы, или, наконец, рассказывать, какую драгоценную брошь («Она принадлежала Натали Пушкиной!») подарила вашей маме Лидия Русланова (Эллы и Эры – *ред.*), потом угодившая с мужем-генералом в лагерь за хапужничество в Германии, – вместо этого встаньте на защиту отца. Если нужны средства, то их можно собрать через «Завтра» по подписке читателей. Вон же ленинградец М. Г. Штейн, автор книги «Ульяновы и Ленины» (Л-д, 1997), подал в суд на газету и на автора, оклеветавших Ленина, и выиграл процесс. А Ленин ему никакой не родственник.

Не зная броду.

А судьбы кто?.

Ведь с юности до ныне дряхлых лет

К Советской власти их вражда непримирима.

Сужденья черпают из забытых газет

Времен Бурбулиса и отделенья Крыма.

А. Грибоедов. Горе от ума. Черновик. Публикуется впервые

Разумеется, в этом году, как и раньше, было много публикаций о Великой Отечественной войне, приуроченных к дате ее начала. Разумеется, как и раньше, при этом было явлено много нелепостей, невежества и прямой злобной клеветы. До сих пор этим в разной мере отличались покойный Д. Волкогонов, благополучно здравствующие А. Чубайс, В. Правдюк, Э. Радзинский, Н. Сванидзе, Л. Млечин, Л. Жуховицкий, С. Медведев, С. Сорокина и некоторые другие известные, даже популярные лица. Об этих толоконных лбах демократии, из коих никто не только не был ни на какой войне, но и в армии-то едва ли кто служил, я здесь говорить не буду. Ну, во-первых, сколько можно? Обрыдли. Во-вторых, объявились новые имена в этой теме — одни довольно известные, другие — только что с иголочки.

В недавних публикациях «Литературной газеты» в связи с годовщиной начала войны примечательны две статьи. Как

и следовало ожидать, они противоположны по своей сути и направленности.

Первая статья Виктора Гастелло, сына Героя Советского Союза капитана Гастелло, совершившего 26 июня 1941 года на своем горящем самолете наземный таран танковой колонны. Автор статьи взывает: «Оставьте героев в покое!» И адресует это в первую очередь тележурналисту Сергею Медведеву, бывшему пресс-секретарю Ельцина, который ныне на Первом канале ведет цикл «Тайны века». Один из выпусков цикла был частично посвящен Герою-капитану. Сын возмущен грязной возней вокруг имени отца, затеянной еще в 1951 году Э. Поляновским в «Известиях», и продолженной теперь на ТВ человеком с державной фамилией. А он, копаясь в биографии героя, оказывается, не знает даже, как звали его отца: вместо «Павлович» именует его на немецкий манер «Адольфовичем». Да еще о брате Михаиле, умершем в младенчестве до революции докопался в архивах, что тот погиб на фронте. Уже одно это позор для державной фамилии. Но если бы только это! Сын героя пишет: «Сколько же гнусной лжи и клеветы вложено в передачу!». А что можно ожидать, Виктор Николаевич, от ельцинского выкормыша!

Борзописцы и телебалаболки отобрали у Гастелло его подвиг и приписали другому летчику – капитану Маслову. А некий Чупринин в известной подлостью «МК» объявил капитана Гастелло военным преступником и предлагает привлечь его покойный экипаж к судебной ответственности. Что

стервецам стоит! Пишут же они о разгроме Красной Армии под Москвой. Завтра напишут о взятии Берлина американцами. За что заплатят, то и напишут.

Но Маслов в чужой славе не нуждается, за его могилой был свой смертельный подвиг, за что всему экипажу и его самолета тоже присвоили звание Героев. По этому поводу Виктор Николаевич пишет: «И слава богу! Они пали смертью храбрых в борьбе за Родину, перед их памятью мы склоняем голову. Но почему же продолжают сочинять гнусные статьи и поток оскорблений на Гастелло?..»

В редакционном примечании к статье В. Н. Гастелло говорится: «Если бы Гастелло попал в плен или его тело нашли бы немцы, то можно представить, с каким удовольствием фашистская пропаганда развенчала бы подвиг советского летчика-героя. Удивительно, что этим сейчас занимается российское телевидение. Зачем?»

Летчик, совершивший наземный таран танковой колонны в плен попасть не мог, и тело его немцы найти не могли, ибо после такого взрыва от человека ничего не остается. Но дело не в этом. Действительно, зачем телевидение занимается тем, чем могло бы заниматься и занималась фашистская пропаганда?

Вторая статья принадлежит перу известного критика Андрея Туркова – «Дни смятения и отваги». Она о романе Артема Анфиногенова «Фронтовая трагедия. 1942 год» (М., 2008). Тут можно задать тот же вопрос: «Зачем?»

А. Турков нахваливает роман. Зачем? Трудно согласиться, что он так хорош: «Надрывающий сердце реквием.» и т. п. Бесспорно, А. Анфиногенов писатель выдающийся, но не очень, да еще любит порой приврать в антисоветском духе. Знаю его с давних дней работы в «Литгазете». Например, не так давно он писал в «Литературной России», что был замечательный летчик Кутахов, он много сбил вражеских самолетов, а ему все не давали и не давали Золотую Звезду. Это почему же? А потому, говорит, что слишком, дескать, яркая и самобытная личность. А Сталин таких, разумеется, не любил. Выходит, что давали только бесцветным да безликим или, как уверяет Солженицын: «пай-мальчикам, отличникам боевой и политической подготовки». Такие, мол, были порядки в Красной Армии.

Я позвонил Артему:

– Что ты лапочешь? Ведь тебе скоро девяносто. Павел Степанович Кутахов, член партии с 1942 года, при всей своей яркости и самобытности получил две Золотых Звезда да еще стал Главным маршалом авиации. Главным!. И одних только орденов Красного Знамени – пять. А еще.

– Да я. да мы. да вы.

Словом, трудно поверить в искренность похвалам роману. Скорее, он дает основание повторить нечто подобное тому, что Сталин в 1933 году написал драматургу А. Н. Афиногенову об одной его пьесе, которую прочитал в рукописи: «Тов. Афиногенов!

Идея пьесы богатая, но оформление вышло небогатое. Почему-то все партийцы у Вас уродами вышли – физическими, нравственными, политическими уродами. Выпускать пьесу в таком виде нельзя.

Давайте поговорим, если хотите» (СС. М., 2006. Т. 18. С. 41).

Однако я не выношу оценку роману. Да и не о нем, собственно, пойдет у нас речь, а о статье А. Туркова, о его суждениях, касающихся войны.

В прошлом году я имел приятную возможность поздравить Андрея Михайловича со статьей в «Литгазете», где он напомнил некоторым суперпатриотам об истинной сути таких фигур, как Бенкендорф, Победоносцев и т. п. Вот и недавно в той же «ЛГ» была его язвительная статья о книге одного английского автора о Чехове. Критик возмущенно писал, что сочинителя интересует не рабочий кабинет писателя, а его спальня, рассмотренная сквозь замочную скважину. Что ж, и за эту статью спасибо. Но об Анфиногенове. Прежде всего, статью трудно читать. Уж очень много в ней кавычек, скобок, затасканных «крылатых слов» вроде таких, как «дела давно минувших дней», «племя молодое», «русские медленно запрягают», «сороковые роковые».

Так вот, прежде всего надо заметить, что критик плохо знает то, о чем пишет, как видно, давно не читает о войне и событиях, с ней связанных. Поистине, сужденья черпает из забытых газет ельцинских времен. Так, Тухачевского до

сих пор числит невинной жертвой репрессий. Но ведь еще в 1991 году в «Военно-историческом журнале» (№№ 8 и 9), затем в первом выпуске «Военных архивов России» за 1993 год, в книге А. Залесского «И. В. Сталин и его противники» (Минск, 2002), в книге Валентина Лескова «Сталин и заговор Тухачевского» (М., 2003), наконец, в приложениях к книге А. Мартиросяна «22 июня» (М., 2005) и в других изданиях были напечатаны убийственные архивные документы о Тухачевском. В частности, его признательное заявление, сделанное на четвертый день после ареста в Куйбышеве, на второй день после прибытия в Москву и после двух очных ставок. А также – собственноручно написанный после этого «план поражения» Красной Армии в будущей войне на 143 страницах. Никакой следователь сочинить это не мог. Тут – рука высокопоставленного военного специалиста, прекрасно осведомленного о положении дел в этой области. А вы с Анфиногеновым, Турков, будете рассказывать нам о розовой книжечке Льва Никулина столетней давности да ссылаться на реабилитацию от 31 января 1957 года. Лучше почитайте хотя бы ВИЖ.

Для обстановочки, в которой совершалась эта реабилитация, для тогдашней атмосферы в обществе весьма характерен, например, такой эпизодик. На XXII съезде КПСС, состоявшемся в октябре 1961 года, председатель КГБ А. Н. Шелепин огласил вот это письмо командующего Киевским военным округом командарма Первого ранга И. Э. Якира,

привлеченного к суду вместе с Тухачевским:

«Родной близкий тов. Сталин. Я смею так к Вам обращаться, ибо я все сказал, все отдал, и мне кажется, что я снова честный, преданный партии, государству. народу бо-ец, каким я был многие годы. Вся моя сознательная жизнь прошла в самоотверженной, честной работе на виду партии и ее руководителей – потом провал в кошмар, в непоправимый ужас предательства. Следствие закончено. Мне предъявлено обвинение в государственной измене, я признал свою вину, я полностью раскаялся. Я верю безгранично в правоту и целесообразность решения суда и правительства. Теперь я честен каждым своим словом. Я умру со словами любви к Вам, партии и стране, с безграничной верой в победу коммунизма».

Якир обратился с письмами также к Ворошиову и Ежову. Обратили внимание на текст, выделенный жирным шрифтом? Эти слова признания Якиром своей вины Шелепин выкинул, т. е. совершил самое настоящее, преступное жульничество. И это председатель КГБ! И это на трибуне съезда! Хрущевский сатрап старался внушить делегатам, что Якир просто хотел перед смертью выразить свою безграничную любовь к Сталину, партии и к родине. И вот, мол, такого верного бойца за коммунизм не пощадили. Это ли не чудовищно!

А что можно было бы ждать от такого военачальника, окажись он в плену у немцев? Держался бы он перед лицом

опасности, перед угрозой смерти так, как держались генералы Карбышев и Лукин?

Всюду выискивая разного рода несправедливости, мерзости и негодяйства в советской жизни, правозащитник Турков еще о предвоенной поре укоризненно пишет, цитируя и пересказывая соответствующие страницы романа Анфиногенова: участники гражданской войны в Испании «Гольцев, Шестерин и другие благодарно поминаемые автором «першероны» ВВС (да почему же не русские «битюги»? – *В. Б.*) пребывали в тени героев челюскинской эпопеи, рекордных трансарктических перелетов». Вот, мол, она, вопиющая несправедливость! Но позвольте, челюскинская эпопея и знаменитые перелеты Чкалова и Громова действительно были выдающимися делами и совершались на глазах всего мира, а участие наших генералов и офицеров в испанской войне на стороне республиканцев, мягко говоря, вовсе не афишировалось. Да что там! Это было тайной. Как и участие немецких военнослужащих на стороне генерала Франко. Неужели для Туркова, современника тех событий, это новость? На что же тут сетовать? Кого обвинять? Молчание о героях испанской войны было государственной необходимостью, подобной той, которая вынуждала молчать о создателях атомной бомбы, и других важных видов вооружения. А наградами, званиями тех и других при этом отнюдь не обходили.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.